

Всем, кто любит коша... Боба

Мелисса Дэйли
Молли
И КОШАЧЬЕ КАФЕ

Мелисса Дэйли
Молли и кошачье кафе
Серия «Кошачье кафе», книга 1
Серия «Подарок от Боба (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20061461
Дэйли, М. Молли и кошачье кафе: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-098552-4

Аннотация

Трехцветная кошка Молли жила счастливо и беззаботно, но беда пришла, откуда не ждали. Но Молли решает взять судьбу в свои лапы и отправляется на поиски нового дома. Дебби, хозяйка маленького кафе, недавно переехала в другой город. Дела у нее идут не лучшим образом и ей очень одиноко. Счастливый случай сводит Дебби и Молли. Кошка и ее новая хозяйка начинают жизнь с чистого листа...

Содержание

1	6
2	15
3	23
4	31
5	36
6	44
7	52
8	62
9	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Мелисса Дэйли

Молли и кошачье кафе

Серия «Подарок от Боба»

Melissa Daley
Molly and the Cat Cafe

© 2013 Penelope Douglas

© Маркелов А., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

*** * ***

Посвящается Сьюз и Луи

*Часто за успешной женщиной стоит весьма
одаренная кошка
Неизвестный автор*

1

Мало что из раннего детства осталось у меня в памяти, но стоит только прикрыть глаза, и я живо вспоминаю радость, которая вспыхнула на лице Марджери, когда я – мяукающий комок шерсти – впервые очутилась у нее на коленях.

– Ах ты, это кто же? – ласково спросила она, когда я подняла на нее глаза, которые совсем недавно открылись.

Подруга Марджери ответила:

– Эта кроха – Молли. Ей восемь недель от роду. Мама у нее была бездомная. Остальных котят из выводка уже разобрали по домам, а она осталась.

Сидя на коленях у Марджери, я украдкой рассматривала ее. Мягкая, нежная кожа, морщинки вокруг добрых глаз. Коротко стриженные серебристые волосы тщательно уложены и волнами обрамляют лицо. Но главное, чем тогда мне запомнилась Марджери – улыбкой. Благодаря ее улыбке я почувствовала себя очень-очень важной или, как говорила сама Марджери, такой, что «надо бы лучше, да некуда».

– Вот я и подумала, что тебе не помешает компания, – продолжала подруга. – Я знаю, тебе одиноко с тех пор, как не стало Малколма. Милая ласковая кошечка – прямо то, что доктор прописал.

– Знаешь, эта Молли... просто какое-то чудо в полосочку, – тихо отозвалась Марджери, и по ее голосу было совершенно ясно: она довольна.

Вот так все и решилось: Марджери стала моей хозяйкой. Она пощекотала мне подбородок, и я мурлыкнула, вначале робко, но стоило мне окончательно успокоиться, как мурлыканье перешло в громкое, непрерывное урчание. Марджери рассмеялась, удивляясь, что такая «фитюлька» может надевать столько шуму.

Шли месяцы, я превращалась из котенка в юную кошечку. Мы с Марджери отлично ладили и обожали друг друга. Марджери была рада, что теперь ей есть с кем поговорить и о ком

позаботиться, а я получала удовольствие, купаясь в ее любви и ласке. Я была энергичным подростком, быстро росла и потому была вечно голодной, но казалось, что и мой неутолимый аппетит был для Марджери источником радости. Она покупала мне отборный кошачий корм, да к тому же никогда не забывала поделиться со мной собственной едой: курицей, бараньей отбивной или славным кусочком лосося – что бы ни готовила Марджери, у нее всегда была отложена порция для Молли.

Дом Марджери быстро превратился в мои владения: я спала, где захочу, и делала все, что заблагорассудится. Жизнь была такой комфортной и уютной, что мне совершенно не хотелось исследовать мир за пределами дома. Из окна спальни я видела крыши домов, косогоры и луга, раскинувшиеся вдаль. Конечно, мне случалось выскакивать на улицу, но, откровенно говоря, поселок, в котором мы жили, не особо меня интересовал. Да и не было в нем ничего любопытного: вереница магазинов, церковь да парочка пабов. Я знала, что другим кошкам из поселка нравится охотиться на церковном дворе, но меня дома кормили досыта, так что на практике я свои охотничьи навыки почти не применяла.

Вы, наверное, думаете, что мне повезло, и я совершенно с вами согласна. О такой жизни, как у Марджери, любая кошка может только мечтать. А мне нравилось в ней решительно все. Но только до тех пор, пока у Марджери не начались странности.

– Поди-ка сюда, Молли, – шепнула однажды Марджери (мне в ту пору было не больше года). Она наклонилась, опираясь одной рукой на кухонный стол, и аккуратно поставила мою миску на линолеум. Мурлыча в предвкушении – я успела проголодаться, терпеливо выжидая, пока Марджери, медленно передвигаясь по кухне, не закончит свою домашнюю рутину, предваряющую мой ужин, – я спрыгнула со стола. Но одного взгляда в мисочку хватило, чтобы понять: подтверждаются мои худшие опасения. Я недоверчиво принялась к ее содержимому в надежде, что вязкая желтоватая масса все же содержит хоть что-то подходящее для кошки, но ожидания быстро сменились разочарованием.

– Это же картофельное пюре, Молли, твое любимое, – подсказала Марджери, заметив мои колебания. Догадываясь, что мне ничего больше не перепадет, я осторожно лизнула то, что лежало в мисочке. Затем, преодолевая отвращение, наполнила рот. Я даже попыталась проглотить эту безвкусную, комковатую массу, но что-то твердое тут же встало поперек горла. Все мое тело свело судорогой, и то, что было у меня во рту, оказалось на линолеуме. Я присмотрелась. Это был неразмятый кусок полусырой картошки, жесткий и несъедобный. Уже не в первый раз за последние недели я подумала, что, возможно, мне придется все-таки выходить на вечернюю охоту, если я хочу наесться досыта.

Стараясь не обращать внимания на голодные спазмы в желудке, я взглянула на хозяйку, которая возилась у мойки.

Что-то в ее бормотании меня насторожило. Я давно привыкла к тому, как хозяйничает Марджери (на моей памяти она изо дня в день проделывала одни и те же действия в строгой последовательности), но сейчас я почувствовала в ее движениях неуверенность. Вот она тщательно вымыла кастрюлю и долго вытирала ее посудным полотенцем. Потом замерла, прижимая кастрюльку к груди, и начала беспокойно оглядывать кухню. Распахнула холодильник, пристроила посудину туда, но тут же вынула, досадливо мотнув головой. Потом принялась один за другим открывать кухонные шкафчики, и огорчалась, видя, что они все заняты бокалами или тарелками. Я понимала, что Марджери ведет себя необычно, прежде за ней такого не водилось, хотя, что греха таить, в последнее время подобные происшествия случались все чаще.

Забыв о миске с остывшим пюре, я подошла к шкафу, который хозяйка еще не проверяла. Встав рядом с дверцей, я уверенно взмахнула хвостом и громко мяукнула.

Марджери блуждала по кухне рассеянным взглядом. Мне пришлось еще несколько раз требовательно мяукнуть, чтобы привлечь ее внимание.

– Что такое, Молли? – в голосе хозяйки слышалось легкое раздражение.

Я энергично потерлась головой о дверцу шкафа в надежде, что она поймет, что я пытаюсь ей сказать.

Марджери помедлила и с минуту смотрела на меня отсутствующим взглядом, а потом нагнулась и потянула дверцу

на себя.

– Ах, Молли, ты моя умница! – воскликнула она, обнаружив в шкафу аккуратные ряды кастрюль. Марджери водрузила кастрюльку на место и ласково погладила меня между ушей. Тронутая ее благодарностью, я замурлыкала, но тревога, с некоторых пор поселившаяся где-то в глубине моей души, не исчезла.

В последующие месяцы нам с Марджери не раз приходилось проделывать нечто подобное. У меня вошло в привычку внимательно следить за движениями хозяйки и быть на чеку, если она собиралась сделать что-нибудь необычное – положить очки в морозилку или оставить ключи от дома на полочке в ванной. Когда Марджери впадала в отчаяние – а это неизбежно происходило в таких случаях, – я помогала ей восстановить привычный ход вещей, мяукая там, где находилась пропажа. Сначала я воспринимала это как нашу веселую игру и приходила в восторг от собственной наблюдательности, но со временем стала замечать, что моей хозяйке она не доставляет такого же удовольствия. Наоборот, Марджери огорчалась и раздражалась, браня себя за глупость.

В нашей жизни как будто ничего не изменилось. Марджери все так же хлопотала по хозяйству, наводила порядок, вытирала пыль, а я дремала на диване. Я помогала ей решать кроссворды: сидела рядом и ловила лапой ручку, пока хозяйка заполняла пустые квадратики. Но улыбка все реже и реже появлялась на ее лице, а иной раз я обнаруживала, что она

сидит в кресле и плачет, отвернувшись к окну. Я изо всех сил старалась ее утешить, терлась о ее щеку, мурлыча во весь голос, но догадывалась: что-то идет не так, и не в моих силах это исправить.

Провалы в памяти, недоумение и растерянность, тревоги, потерянные чековые книжки и поиски ключей, положенных не на свое место. Поначалу это случалось от случая к случаю, потом стало повторяться все чаще, пока, наконец, не стало обычным делом. Не помогала даже моя наблюдательность – Марджери, казалось, теряла контроль над обычными, повседневными вещами, которые составляли основу ее жизни. Нашей жизни.

В тот день, поставив чистую кастрюлю в нужный шкаф, Марджери прошла в гостиную и включила телевизор. Мне бы следовало свернуться рядышком, и мы – два друга, которым не нужны слова, – скоротали бы вечер вместе, но я была голодна и по опыту знала: не стоит надеяться, что Марджери вспомнит обо мне и покормит. Я презрительно фыркнула на холодное пюре, глыбой застывшее в моей мисочке, выскользнула в кошачью дверцу и отправилась ловить грызунов к ужину.

Домой я в тот вечер вернулась поздно, Марджери уже легла. Я по своему обыкновению обошла перед сном весь дом, проверяя, все ли окна закрыты, заперта ли входная дверь и не забыла ли хозяйка выключить плиту. Убедившись, что дом в порядке и можно спать спокойно, я свернулась кала-

чиком на диване и сладко уснула.

Утром я умывалась на подоконнике в гостиной, прислушиваясь, как наверху, в спальне, медленно передвигается моя хозяйка, одеваясь и причесываясь. Я очень надеялась, что сегодня у нас с Марджери выдастся хороший денек – она не будет то и дело ударяться в плач и не забудет предложить мне завтрак. Услыхав осторожные шаги на лестнице, я спрыгнула с подоконника.

Чтобы убедиться, что моя хозяйка смогла успешно преодолеть поворот в конце лестничного марша, я выбежала из гостиной, держа хвост трубой. Радостно курлыкнув: «Привет!», я потерлась о ее ноги.

– Ах! – воскликнула Марджери.

В ответ я замурлыкала.

– Ты кто? – спросила она. Я подняла глаза и увидела на лице у Марджери привычную растерянность. Она недоуменно хмурила брови.

Я мякнула ей в ответ. «Я же Молли, – пыталась сказать я. – Твоя кошка!»

Марджери склонила голову набок, озадаченно рассматривая. Мне ужасно хотелось, чтобы она узнала меня, назвала по имени, и со смехом уверила, что никогда больше не забудет, кто я такая.

– Ты, видно, забежала с улицы, кисонька? Тебе нужно домой. Хозяева, должно быть, сбились с ног, разыскивая тебя.

Марджери подошла к двери, взяла ключи – накануне ве-

чером я проследила, чтобы они заняли свое место на полке. Затем неторопливо отперла замок и, повозившись с цепочкой, распахнула дверь настежь. Потом хозяйка улыбнулась мне, явно ожидая, что я обрадуюсь свободе. А я, подергивая хвостом, замерла на коврике в прихожей.

– Ну, что же ты, иди. Ступай домой, пока не проголодалась.

У меня отчаянно защипало в глазах. Меня частенько сбивало с толку и раздражало то, что Марджери все путает, но стоило лишь увидеть огорчение на ее лице, как мое сердце сжималось от жалости к ней. Но еще никогда мне не было так больно, как сейчас. Она не узнавала меня. Я смотрела ей в глаза и видела не любовь, а лишь непонимание. Как же было горько чувствовать себя чужой в собственном доме!

Мне не хотелось, чтобы Марджери видела, как я страдаю, поэтому я отвернулась и, понутив голову, поплелась к двери.

У Марджери случались и хорошие, и плохие дни. Правда, плохих становилось все больше. Я привыкла и перестала обижаться, когда она не могла вспомнить мое имя или даже напрочь забывала о моем существовании, пока я, отчаявшись, не начинала завывать от голода. Мне казалось, что Марджери как будто исчезает, уплывает куда-то, словно ее

затягивает в воронку беспамятства. Она и внешне теперь казалась маленькой и такой хрупкой, что, когда она, пошатываясь, карабкалась вечером по лестнице, у меня от волнения вставала дыбом шерсть на загривке.

Сын Марджери стал чаще к нам наведываться. Невысокий, жилистый, он вечно куда-то спешил, прямо подпрыгивал от нетерпения. Я не испытывала к нему особого расположения, возможно, просто потому, что не успевала присмотреться. К тому же, хотя Марджери и радовалась его визитам, его взвинченность будоражила ее, а это не шло ей на пользу. Мне хотелось, чтобы он успокоился, расслабился и уделил какое-то время матери, не показывая всем своим видом, что ему давно пора быть где-то еще. Я пыталась повлиять на него, вскакивала ему на колени всякий раз, как он присядет, но этот торопыга всегда с раздражением меня спихивал. Мне приходилось ретироваться в противоположный конец комнаты и демонстрировать ему свое неодобрение на расстоянии.

– Ну, как дела, мамуля? За здоровьем следишь?

– Ах, да, да, у меня все прекрасно. Спасибо, Дэвид. А как...?

Марджери растерянно замерла, не в силах припомнить имя невестки.

– Пэт в порядке, спасибо, мам. Дети тоже нормально. Надеюсь. Я их почти не вижу в последнее время, честно говоря.

Я снова отметила, как замешкалась моя хозяйка, отчаян-

но пытаюсь вспомнить, кто такие «дети» (ее внуки). Но Дэвид не обратил ни малейшего внимания на ее затруднения и продолжал болтать о семье и работе, уверенный, что Марджери в курсе всех подробностей его жизни. Она вежливо улыбалась, стараясь не упустить нить разговора.

Марджери всегда страшно расстраивал момент прощания с сыном, и я знала, что после ухода Дэвида она будет плакать. Даже мне она не могла высказать все, что чувствует, но я всегда старалась утешить ее. Я прижималась к Марджери, она начинала меня гладить, и потихоньку успокаивалась.

Как-то на исходе лета, вечером, вдоволь набегавшись за бабочками по саду, я вернулась в дом. Поднявшись наверх, я обнаружила Дэвида в пустующей комнате. Он с головой погрузился в какую-то большую коробку. Не совладав с природным любопытством (не говоря уже о свойственной всем кошкам любви к картонным коробкам), я подпрыгнула и плюхнулась прямо в центре «раскопок», на стопку пыльных бумаг прямо перед его носом. Мое появление застало Дэвида врасплох. Громко выругавшись, он поднял меня за шкуру и выбросил на пол. Неудача меня не обескуражила, и, приметив груды картонок в другом конце комнаты, я прекрасно провела время, копошась в них и украдкой поглядывая, чем занят Дэвид.

Наигравшись, я растянулась на дне одной из коробок, наслаждаясь чудесными теплыми солнечными лучами, что лились в нее из окна. Дэвид явно забыл о моем присутствии.

– Господи, мама, зачем ты вообще хранишь все это барахло, – бурчал он, и до моего слуха доносился громкий шлепок – это очередная стопка бумаг отправлялась в мусорную корзину.

Через некоторое время у него зазвонил мобильник, и, выругавшись под нос, Дэвид полез за телефоном в задний карман.

– Привет, Пэт! Да у меня тут буквально завал! За восемьдесят лет тут скопились горы хлама – и это только первая комната!

Дэвид привстал и закрыл дверь – наверное, не хотел, чтобы Марджери слышала разговор. Ну а я, затаившись в коробке, ловила каждое слово.

– Нет, я ей еще не говорил. Я знаю, *знаю*, – по голосу я поняла, что Дэвид раздражен. – Но надо дождаться подходящего момента, а то она с ума сойдет. По крайней мере, я уже начал с мусора. Выкину хоть часть. Да скажу я ей! Да, понял, *я не тяну*. Но ты же знаешь, как для нее важно быть независимой.

Я почувствовала тревожный укол и ощутила, как беспокойство все сильнее завладевает мной. Я не представляла, о чем это Дэвид все никак не поговорит с Марджери, но не сомневалась – этот разговор ее огорчит. Продолжая лежать неподвижно, я надеялась, что Дэвид скажет еще что-нибудь, что прояснит ситуацию, но, видимо, этот разговор был ему в тягость, и он скоро закончил, бросив: «Ладно, мне еще со

всем этим разбираться. После поговорим».

В течение нескольких недель после этого он регулярно появлялся у нас. Входя, он кричал из прихожей: «Мамуля, привет, это Дэвид! Пришел помочь тебе с уборкой».

Но это была вовсе не «уборка»: я видела, как он опустошает дом, комнату за комнатой. Вновь и вновь он забивал багажник своей машины покрывалами и шторами, мешками старой одежды и кипами бумаг, уверяя Марджери, что все это ей совсем не нужно и кроме как на свалку никуда не годится.

Марджери была слишком растеряна и напугана, чтобы возражать. Чаще всего она уходила в другую комнату, только чтобы не видеть, как роются в ее пожитках. Иногда она смотрела на свои вещи, отложенные сыном для благотворительного магазина, – и я видела тоску в этом взгляде.

Я же, наоборот, кипела от ярости. Как он смеет являться к нам и решать, что можно, а что нельзя Марджери – а, следовательно, и мне! – держать в собственном доме? То и дело я обнаруживала, что еще одна из моих любимых вещиц – то ветхий, поеденный молью коврик для пикников, то скамеечка для ног, обтянутая джутом – исчезли из дома без моего ведома.

Дом даже пахнуть стал по-другому! Аромат лаванды, который всегда источали одежда и вещи Марджери, сменился резкими химическими запахами чистящих и полирующих средств, от которых у меня слезились глаза и першило в гор-

ле.

Все это время я была вынуждена без конца ходить по дому и тереться мордочкой обо все поверхности, пытаюсь восстановить права на свою территорию. Но это было бесполезно – Дэвид игнорировал мои усилия и без устали мыл, чистил, упаковывал и складывал вещи в коробки. Если Марджери не было рядом, ее сын даже не пытался скрывать своей неприязни ко мне – он гнал меня из дому при любой возможности, хотя я замечала, что в присутствии матери он делал вид, что я все еще ему нравлюсь.

Мне было совершенно ясно, что неразбериха в доме не идет Марджери на пользу и только усиливает ее расстройство. Хозяйка дряхлая и увядала прямо на глазах. Она почти перестала есть, и не одна неделя прошла с тех пор, как она сама готовила – подозреваю, Марджери уже и забыла, как это делается. Ей стало трудно усидеть на месте, и она стала настороженной, как кошка, которая опасается, что на нее нападут, – то и дело подходила к окну и смотрела на улицу, будто дожидаясь кого-то или чего-то.

Я изо всех сил старалась успокоить хозяйку и помочь ей справиться с нервозностью, но ее тревога все нарастала, да и меня не оставляло ощущение надвигающейся беды. Я до сих пор не выяснила, что задумал Дэвид, но в глубине души понимала, что в нашей с Марджери жизни грядут перемены. А пока мне оставалось одно: держаться поближе к любимой хозяйке, утешать ее, и самой, по возможности, черпать уве-

ренность в прикосновениях ее рук и запахе ее кожи.

Однажды вечером я вошла в гостиную и застала Марджери в слезах. Дэвид сидел подле нее на диване, неловко приобнимая мать за плечи.

– Да будет тебе, мам, ты ведь понимаешь, что так лучше, – уговаривал он. – Тебе нельзя оставаться здесь, это небезопасно. Лестница для тебя слишком крута, к тому же, сама знаешь, в последнее время ты становишься забывчивой.

Марджери ничего не отвечала, просто тихо плакала, закрыв лицо хлопчатобумажным носовым платком.

– А «Вязы» – отличное место. Там о тебе будут хорошо заботиться. Будут готовить еду, стирать твою одежду и все такое. Все, хватит плакать, все к лучшему, – и Дэвид неуклюже заключил мать в объятия.

Неслышно ступая, я вышла из комнаты. Голова у меня шла кругом, и нужен был глоток свежего воздуха. Выбравшись на улицу через кошачью дверцу, я принялась умываться – это всегда помогает мне привести в порядок не только внешний вид, но и мысли.

По крайней мере, теперь мне было известно худшее, и все происходящее получило, наконец, объяснение. Марджери уезжает отсюда в какое-то место под названием «Вязы». Я замерла, вытянув недомытую лапу, впервые заметив на воротах деревянную табличку с надписью: «Продается». Я похолодела.

Сердце у меня разрывалось: я ведь знала, как Марджери

будет скучать по своему уютному милому дому. Но и за себя я боялась не меньше. Когда моя хозяйка уедет в «Вязы», а наш дом продадут, что же станется со мной?

Я снова проскользнула в дом и подошла к двери гостиной. Из комнаты доносились тихие рыдания Марджери и вкрадчивый монотонный голос Дэвида. Я не представляла, что ждет меня в будущем, зато знала, что нужно сделать сейчас, чтобы почувствовать себя лучше.

Я прокралась мимо двери в гостиную к лестнице, где у нижней ступеньки Дэвид аккуратно поставил свою обувь. Оглянувшись, не смотрит ли кто, я присела и пописала Дэвиду в туфли. Вообще-то я очень чистоплотна и даже брезглива, но, признаюсь честно, это доставило мне огромное удовольствие.

Как-то утром, вскоре после случая с туфлями, я блаженствовала в гостиной на подоконнике, на своем любимом наблюдательном пункте. На дворе стоял пасмурный осенний день. Деревья роняли листья на лужайки перед домами, а небо, будто налитое свинцом, было совсем низко.

Наша тихая улочка заканчивалась тупиком и не могла похвастаться оживленным движением, поэтому неудивитель-

но, что я наострила уши, когда к нам свернул большой грузовик. Машина приблизилась, и я рассмотрела на борту эмблему «Грузоперевозки – надежно», чувствуя, как от рычания двигателя у меня дрожат усы. Автомобиль остановился перед нашим домом и, дав задний ход, медленно подъехал к крыльцу. Трое мужчин выпрыгнули из кабины, открыли задний борт и захлопотали, громыхая тяжелыми креплениями, вытаскивая ремни. Один нажал на кнопку, и на землю опустилась платформа.

Несмотря на то, что прежде мне не доводилось видеть машину для грузовых перевозок, я догадалась, что нашей спокойной жизни пришел конец. Я обернулась и внимательно осмотрела гостиную. Диван, на котором я любила спать по ночам, был отодвинут к стене, с его сиденья исчезли подушки и клетчатый плед, а с подлокотников – кружевные салфетки. Буфет, кресло и другие крупные предметы мебели теснились посреди комнаты, а остальное пространство было забито упаковочными ящиками.

Сверху до меня донеслись привычные звуки – Марджери ходила по своей спальне. Я могла представить, чем она занимается – тщательно укладывает волнами волосы, пудрит нос, брызгает за ушами лавандовой водой. Моей хозяйке стоило немалых усилий вспомнить какие-то простые вещи, но все процедуры утреннего туалета ее память сохраняла твердо. Какой бы мучительной ни была мысль, что это, возможно, последний день, который она проведет в собственном доме,

эти звуки приносили утешение: почему-то они вселили в меня уверенность, что в нашей совместной жизни еще не все потеряно.

Вскоре на крыльце раздался голос Дэвида, и я услышала, как в замке поворачивается ключ. Дэвид, еще более раздраженный и суетливый, чем обычно, на ходу раздавал какие-то распоряжения. Тишина в гостиной мигом отступила, дверь распахнулась, и грузчики начали вытаскивать мебель из дому и заталкивать в кузов машины.

Ради Марджери я решила оставаться на своем месте на подоконнике, поглядеть, как идет работа, и убедиться, что к ее вещам относятся с должным уважением. Но по мере того, как наша любимая мебель исчезала в недрах машины, у меня все сильнее щемило сердце – смотреть на это было выше моих сил. Я выгнула спину дугой, потом вытянулась вдоль подоконника во всю длину. Размявшись, я спрыгнула на пол и выбежала из гостиной, стараясь не попасть под снующие повсюду сапоги.

Очень хотелось выскочить на улицу и помчаться куда глаза глядят, подальше от места, где рушится наша жизнь. Но тут припустил дождь, и к тому же бросить Марджери в беде было бы предательством.

Обойдя зловеще возвышающуюся среди коридора клетку-переноску, я взбежала по лестнице и обнаружила Марджери сидящей на кровати. На моей хозяйке был голубой шерстяной жакет и фетровая шляпка, украшенная вязаным

цветком. Этот наряд Марджери надевала на выход, и он ей невероятно шел. Но, подойдя ближе, я заметила, что по ее щекам льются слезы и капают на колени. Марджери не пыталась их унять, она просто сидела, уставившись в окно невидящим взглядом.

Я мяукнула, надеясь, что голос прозвучит бодро. Марджери как будто удивилась, но улыбнулась мне: «А, это ты, привет».

Не уверена, что она помнила, как меня зовут. Но в ту минуту мне было довольно и того, что она узнала меня. Я вскочила на кровать и прильнула к ней. Марджери тут же принялась меня поглаживать, чесать за ушами и под подбородком – так, как я люблю. Я замурлыкала громко-громко, стараясь заглушить голоса грузчиков и грохот погрузочной платформы.

Мы сидели на кровати целую вечность, а люди все громыхали по дому сапогами, да Дэвид время от времени за что-то их распекал. С одной стороны, я бы с радостью просидела так вечно, но с другой – хотелось, чтобы все уже осталось позади и наши страдания, наконец, закончились. Не знаю, догадывалась ли Марджери, что это были наши последние минуты вместе, но вот я была в этом уверена. Хозяйка все гладила меня, а я продолжала мурлыкать – наверное, так мы старались подбодрить друг друга и убедить, что все будет хорошо.

– Мама, ты где?

Визгливый окрик Дэвида заставил нас вздрогнуть. От

сильного толчка дверь распахнулась так резко, что шерсть у меня на загривке встала дыбом. Увидев мать и меня рядом с ней, он невольно помедлил, прежде чем подойти.

– Ну, мамуля, идем, нам пора.

Я видела, что он старается быть более терпеливым и говорить поласковее, но меня ему было не провести. Теснее прижавшись к хозяйке, я утробно заворчала при его приближении.

Марджери посмотрела на сына без всякого выражения, и я засомневалась, знает ли она, кто этот человек и что ему здесь нужно. На какой-то миг я даже позавидовала ей – возможно, не так горько лишиться дома, если не понимаешь, что происходит. Может, лучше это, чем страдания и боль, которые ощущала я.

– Да, да, разумеется, – прошептала Марджери, оглядываясь в поисках сумки и шарфика. Она медленно встала, а Дэвид с участливым видом подхватил ее под локоть – только затем, чтобы ее поторопить, я уверена. Я продолжала глухо урчать в знак крайнего недовольства.

– Ну, довольно, кошка, я сыт тобой по горло, – и с этими словами Дэвид, не отпуская локтя матери, скинул меня с матраса.

Злая, я уселась на лестничной площадке, слушая, как они спускаются по лестнице и выходят из дома. Через какое-то время хлопнули дверцы машины, и я услышала, как отъезжает автомобиль. Грузчики протопали мимо меня в спальню

Марджери и стали разбирать кровать.

– А кошку мы должны забрать или как? – спросил один.

– Не-а, Дэвид сказал, что сам приедет за ней позже, – ответил его напарник.

Иной раз я задумываюсь, как сложилась бы моя жизнь, решишь я тогда взять судьбу в свои лапы. Ведь можно было удрать через кошачью дверцу, не дожидаясь возвращения Дэвида. Положа лапу на сердце, сама не знаю, почему я этого не сделала, почему решила вернуться в спальню Марджери, прижаться к холодной батарее и ждать уготованной мне участи. Наверное, у меня еще теплилась слабая надежда, что меня отвезут к Марджери, в ее новый дом. А еще – не буду скрывать – уж очень страшно было очутиться в большом мире и самой бороться за существование. Я привыкла к комфортной и безопасной жизни. Будем называть вещи своими именами: я была изнеженной, избалованной домашней кошечкой. Мужество и уверенность в себе не были моими сильными сторонами. Во всяком случае, в то время.

Наконец, грузчики закончили возиться с кроватью, погрузили в свою машину последние ящики и отбыли. Дом затих, но от этого мне не стало спокойнее. Это была зловещая, тревожная тишина, от которой у меня тряслись поджилки. Пристроившись на полу в спальне, я задремала, но сон не принес покоя. Он то и дело прерывался: то мне казалось, что Марджери ищет меня и зовет по имени, то чудилось, будто я куда-то падаю, и я несколько раз просыпалась в ужасе.

К дому подъехала машина. На дворе уже темнело, в спальне было холодно. Я услышала, как отворилась входная дверь, и до меня донесся громкий вздох Дэвида. Он поднял стоявшую в прихожей переноску и начал искать меня, обходя комнаты на первом этаже.

– Иди сюда, чертова кошка. Куда ты подевалась? – звал Дэвид, даже не стараясь скрыть угрозу в голосе.

И, хотя я была уверена, что надеяться не на что, кошачий инстинкт самосохранения буквально заставил меня припасть к полу. Я попыталась найти убежище в соседних комнатах, но они все были пусты, и спрятаться было негде.

Поднимаясь по лестнице, Дэвид заметил, как я крадучись возвращаюсь в спальню Марджери. Войдя туда, он застал меня сидящей на подоконнике – я готовилась дать ему решительный отпор.

– Вот и славненько, тебе тоже пора, – сказал он и завозился с дверцей переноски. Я снова утробно заурчала, а когда он подошел ближе, прижала уши и угрожающе зашипела, вздернув верхнюю губу. Мужчина медлил, прикидывая, как бы половчее управиться со мной так, чтобы не быть раздраным в клочья. К своему удовольствию, я заметила страх на его лице и зашипела еще громче, стараясь использовать его замешательство.

Он подошел ближе и перехватил клетку в левую руку. Стоило мне на миг на это отвлечься, как правой он цепко ухватил меня за загривок. Швырнув меня в клетку, он про-

ворно захлопнул дверцу.

Я заскользила по пластиковому полу переноски, пытаюсь найти опору, а Дэвид был уже на пороге спальни. Продолжая урчать, я развернулась, чтобы в последний раз окинуть взглядом свой дом сквозь решетчатую дверцу.

Все комнаты были пусты – ни мебели, ни ящиков. Я поразилась, каким холодным, каким безжизненным стал дом без вещей Марджери и без ее тепла, которым все здесь было согрето. Единственными признаками того, что она когда-то жила здесь, были следы от мебели на ковровом покрытии да гвозди, на которых раньше висели картины. Я старалась отогнать мысль о том, как хорошо нам здесь жилось, какие это были счастливые времена – наши дружные обеды, наш беззаботный отдых в обнимку на диване.

Не успела я опомниться, как мы оказались на улице. Входная дверь захлопнулась за нами, щелкнул замок. Переноска ударялась о ногу Дэвида, пока тот шел к машине. Меня перевернули, в глаза ударил слепящий свет уличного фонаря. Потом клетку бесцеремонно пихнули в багажник, дверца захлопнулась, стало темно и все стихло.

Ожил мотор, и я почувствовала, как машина тронулась, увозя меня прочь от нашего с Марджери дома. Чтобы окончательно не расклеиться, я решила осмотреться и не обращать внимания на то, что живот уже стало подводить от голода. Я попыталась развернуться в переноске, чтобы найти удобное положение и выглянуть в заднее стекло. Но уже

смеркалось, и мне были видны лишь фонари, мелькающие за окном. Убедившись, что ничего не выйдет, я легла на пол, аккуратно подобрала под себя лапки и попыталась уснуть под мерный рокот мотора.

Должно быть, я и в самом деле задремала. Разбудил меня назойливый трезвон – оказалось, это звонил мобильник Дэвида. Он досадливо чертыхнулся.

– Пэт, я за рулем. Обожди, переключу на громкую связь.

Теперь мне был слышен писклявый женский голосок на линии. Я несколько раз видела жену Дэвида, когда они с детьми приходили к нам в гости по воскресеньям. Пэт казалась мне на удивление симпатичной, хотя и порядком измотанной своими двумя совершенно неуправляемыми детьми и мужем, находящимся постоянно «на нервах».

– Как мама себя чувствует? – спросил Дэвид.

– Ничего, неплохо. Мы распаковали вещи, и сейчас она пьет чай в гостинной пансиона. Но ты же знаешь, как она порой на чем-нибудь зацикливается. Вот сейчас она без конца спрашивает про свою кошку, хочет знать, когда ты, наконец, ее привезешь.

У меня от радости чуть не выскочило сердце. Неужели весь этот ужас скоро закончится, и к нашему общему восторгу, мы с Марджери воссоединимся в ее новом доме?

Дэвид досадливо пощелкал языком.

– Бога ради, Пэт, сколько можно об одном и том же? Я миллион раз объяснял ей, что там запрещено держать жи-

вотных. Она это знает.

– Я все понимаю, Дэвид, – примирительно ответила Пэт. – Я тоже ей об этом напоминала. Она соглашается, кивает, но кто ее знает, что она понимает на самом деле.

Помолчав немного, она добавила:

– Я поставила фото кошки на столике у кровати, рядом с портретом твоего отца. Но не знаю, не станет ли ей от этого только хуже.

Мое сердце обливалось кровью. Не от жалости к себе, и не от страшной новости, что нам с Марджери не быть вместе. Я переживала за свою хозяйку. Представляла ее в незнакомой обстановке, испуганную, потерянную, – когда ей не просто надо, а *совершенно необходимо*, чтобы я была рядом, – до чего же это было ужасно!

Дэвид простонал.

– Может, и станет – почему я знаю? Очень надеюсь, что все как-нибудь утрясется и она забудет про это мерзкое животное. Не знаю, Пэт. Мало мне было всей этой нервозности с переездом матери, так теперь я еще должен пристраивать эту поганую кошку!

Я сердито ошетибилась на эти слова.

– Я сейчас еду к Робу, оставляю ее там. Пообещал проставиться пивом, если он ее заберет, – добавил Дэвид, и я наострила уши. Я никогда не слышала ни о каком Робе, но, судя по всему, это был мой новый хозяин.

Дэвид закончил разговор, и наше путешествие продолжи-

лось в тишине. Я пыталась определить, далеко ли мы отъехали от дома. На улице уже совсем стемнело, и, судя по тому, как подвело мне живот, время ужина давно прошло. Я подала было голос, но в ответ услышала только отрывистое: «Заткнись, дрянь!» – и замолчала.

Наконец, машина замедлила ход и остановилась. Я заби-лась в дальний угол переноски и съежилась там, стараясь сде-латься как можно меньше и незаметнее. Я, конечно, пони-мала, насколько глупой и бесполезной была эта попытка, но инстинкт самосохранения был сильнее.

Дэвид вышел из машины, громко хлопнув дверцей. Вжав-шись носом в угол клетки, я ловила звуки снаружи. Скрип – открылись ворота, хруст щебенки под ногами Дэвида на подъездной дорожке, два удара дверного молотка. Вся моя шерсть встала дыбом, когда в ответ послышался собачий лай.

Стараясь унять бешеный стук сердца, я сосредоточилась, пытаюсь различить, сколько голосов там раздается. Кажется, не меньше трех: один басовитый и солидный, два других по-тоньше и повизгливее. Но обдумать, каким собакам могут принадлежать подобные голоса, я не успела – багажник от-крыли. Кто-то подхватил переноску за ручку и так резко вы-дернул из машины, что, потеряв опору, я покатилась по по-косившемуся полу и въехала задом в дверцу. Я взяла себя в лапы и поспешила развернуться, чтобы встретиться лицом к лицу с новым витком судьбы.

Когда меня несли по дорожке к дому, я услышала голос Дэвида:

– Привет, дружище. Прямо слов нет, ты так меня выручил.

Меня внесли в прихожую и поставили на коврик. И тут кругом запрыгали собаки – они были везде, со всех сторон. Пластиковая переноска обеспечивала хоть какую-то защиту, но я видела, как к дверце прижимаются носы и слюнявые пасти, а вокруг мелькают лапы, бесчисленные лапы – им не терпелось добраться до меня. Ощетинившись и выгнув спину, я зашипела и приготовилась к бою, давая понять мучителям, что от меня лучше держаться подальше.

– Придется ей привыкнуть к собачкам, – произнес мужчина, вероятно, Роб, извиняющимся тоном. Я горестно подумала, что это сказано слишком мягко. – У нас уже была кошка, так что, думаю, эту они не обидят, – продолжил он с надеждой, но, как мне показалось, не слишком уверенно. – Правда, Нэнси пропала сразу после того, как я принес Стэна. Зашипела на него, вскочила на холодильник, а потом как в воздухе растаяла, да так и не вернулась. Ветеринар меня за это очень ругал, – добавил он со вздохом, будто сетуя, что его несправедливо обвинили в исчезновении кошки.

Каждая шерстинка на мне топорщилась дыбом, и стыдно признаться, но в ту минуту я напрочь забыла о Марджери. Все, о чем я могла думать, так это о том, что сейчас я останусь под одной крышей с тремя собаками. Собаками, на совести которых уже числится одна пропавшая кошка.

Находясь в относительной безопасности в своем убежище, я внимательно рассмотрела своих мучителей. Самый крупный был крепко сбитым псом с мускулистой холкой и выпуклой, как бочка, грудью. Квадратная морда с отвисшими щеками и широко расставленные глаза навывкате придавали ему глуповатый вид, но силы ему было не занимать — он чуть не опрокинул переноску, пытаясь выцарапать меня

из укрытия. Две другие псины были похожи, как близнецы – тощие злобные собачонки с большущими треугольными ушами. Они были ненамного больше меня, так что я отлично разглядела их глазки-бусинки и острые белые зубки в ощеренных рычащих пастьях.

Когда Роб открыл дверцу, я опрометью метнулась через прихожую – так быстро, что лапы у меня разъехались на скользком полу и я чуть было не растянулась. Но все же мой план сработал, и стремительное бегство застало собак врасплох. Мелкие пронзительно затыкали, когда я стрелой пролетела мимо них, а большой коренастый пес вообще был сбит с толку. Когда я влетела в гостиную, он все еще обнюхивал переноску, не понимая, куда я подевалась.

На первый взгляд в комнате негде было укрыться. Инстинкт подсказал мне, что надо забраться повыше, так что я прыгнула на диван, с его спинки перескочила на буфет у окна. Оттуда я чуть не шлепнулась на пол – мои лапы разъехались на кипе скользких журналов, но я все же удержалась и совершила еще один прыжок – на книжный шкаф.

Пытаясь не расчихаться от пыли, я залегла, подобрав под себя лапы, и с высоты окинула взглядом комнату Роба. Главным, как мне показалось, в ней был прикрепленный к стене гигантский телевизор – все диваны и кресла были расставлены так, чтобы было видно экран. Вид у комнаты был нежилой, и, если не считать стопок журналов да телевизионных пультов на кофейном столике, здесь не было никаких

личных вещей. Мне вспомнился уютный интерьер гостиной Марджери, с фотографиями в рамках из полированного дерева и красивыми узорами на кружевных салфетках. Здешние два дивана были гладкими и блестящими и не шли ни в какое сравнение с мягкими думочками на диване моей любимой хозяйки.

Собаки, почуяв мой запах, явились в гостиную следом. Я молча наблюдала, как все три крутятся, обнюхивая пол и мебель, пытаюсь сообразить, куда я подевалась.

Я как сфинкс возлежала на книжной полке, а они сновали по комнате, и все больше раздражались, что не успели схватить меня внизу. Наконец, они потеряли интерес к поискам и одна за другой выбежали из комнаты. Я понемногу стала успокаиваться и вскоре, свернувшись в клубок, заснула.

Разбудил меня громкий рокочущий звук, от которого меня бросило в дрожь. Спросонья я решила, что снова подъехал тот грузовик и меня ждет новый переезд. Потом я поняла, что шум раздается из телевизора. Высунув нос, я увидела Роба, развалившегося на диване с пультом в одной руке и планшетом с чипсами в другой. Он горстями забрасывал в рот чипсы, запивая их какой-то жидкостью из банки, полностью поглощенный зрелищем автомобилей, что с ревом проносились по экрану, и то и дело издавал крики – то воодушевленные, то разочарованные. Я озадаченно наблюдала за ним, не понимая, как такое монотонное и шумное развлечение может доставлять ему радость. Мужчина, казалось, был

в состоянии транса и выходил из него только для того, чтобы открыть рот и заорать во всю глотку.

Презрительно прищурившись, я отвернулась и принялась умываться.

Невозможно было представить себе человека более непохожего на мою хозяйку. По сравнению с аккуратной и спокойной Марджери, которая была сама деликатность, шумный и неряшливый Роб выглядел неповоротливым увальнем. Я с грустью вспомнила наши вечера, когда я, уютно свернувшись, лежала рядом с Марджери на диване и смотрела передачи об искусстве, истории или тихие интеллектуальные телевикторины. И как ни старалась, не могла представить себя на коленях у Роба, наслаждающейся его оглушительными гонками.

И, конечно, главное – здесь были собаки!

Пока я умывалась, одна мелкая, похожая на крысу собачонка влетела в комнату и, уловив движение на книжной полке, подняла ужасный лай. На шум прибежала вторая крысошавка, следом явился и мускулистый пес с квадратной мордой. Им не потребовалось много времени, чтобы обнаружить мое убежище, и они принялись рычать и гавкать в три глотки, заглушая даже шум телевизора.

– Эй, а ну хватит, молчать!

Преодолевая лень, Роб стал озираться, ища, чем бы запустить в собак. Схватив журнал, он швырнул его, но страницы раскрылись в полете и задели банку с напитком, стояв-

шую на подлокотнике. Банка качнулась, зашаталась из стороны в сторону и свалилась с дивана. Из нее забил настоящий фонтан, обдавший ковер и собак. Кряхтя и ругаясь, Роб нырнул за нею. Дотянувшись до банки, он вытряхнул себе в рот остатки жидкости, потом с размаху плюхнулся на диван, раздавив при этом остатки чипсов – плоску он оставил на сиденье.

Прервав умывание, я позволила себе насмешливо улыбнуться.

Роб, чертыхаясь, вскочил и попытался смахнуть рассыпанные чипсы обратно в миску, но потом выругался и побежал за тряпкой. Собаки, чувствуя, что хозяин разъярен, поспешили ретироваться в другую комнату.

Шли дни, и я понемногу начала приспосабливаться к жизни в доме Роба. Я изучила характеры собак, запомнила время, когда они уходят на прогулку, а когда ложатся спать, и изменила свой распорядок дня так, чтобы пересекаться с ними как можно меньше. Я знала, что выводит их из себя: мелкие крысиные шавки заливались лаем при звуке дверного звонка, а здоровяка только что не хватал удар, когда кто-нибудь приближался к его миске.

Этот пес с квадратной мордой, Стэн, был и в самом деле страшной зверюгой, но, к счастью для меня, умом он не блистал. Он начинал угрожающе рычать, стоило мне оказаться в опасной близости от его кормушки, но провести его было

несложно: моя кошачья грация и умение прыгать вертикально, мгновенно скрываясь из виду, снова и снова ставили его в тупик.

Выяснилось, что мне следует опасаться скорее Чеза и Дейва, двух мелких собачонок. Честно говоря, я так и не научилась их различать. Я воспринимала их как единое целое, так как они всегда действовали сообща. И ненавидели меня они тоже совершенно одинаково. Любимой их забавой было загнать меня в какой-то угол в доме, отрезав пути к бегству, и неистово облаивать, отчего шерсть на мне вставала дыбом, а хвост топорщился и становился вдвое толще обычного. Я угрожающе шипела и рычала. Это трехстороннее противостояние продолжалось до тех пор, пока собаки не отвлекались на долю секунды. Я не упускала шанса спастись и бросалась наутек, в два прыжка оказываясь где-нибудь наверху, презрительно поглядывая на своих мучителей.

Неудивительно, что я стала проводить вне дома намного больше времени, чем раньше. До сих пор я считала себя сугубо домашней кошкой. Дом Марджери был для меня надежным и спокойным пристанищем, которое я даже побаивалась покидать. Но дом Роба не был ни тихим, ни безопасным, и я все чаще стала искать убежище в саду.

Поначалу я просто сидела на ограде, не отваживаясь выйти за пределы сада, и рассматривала дома, точь-в-точь похожие на дом Роба, с точно такими же прямоугольными лужайками, обнесенными заборчиками. Кое-где лужайки были

ухожены и аккуратно подстрижены, другие утоптаны, с бату-тами или футбольными воротами. В общем, улица оказалась более оживленной и шумной, чем тупик, где жила Марджерри. Здесь было больше детей, больше собак, постоянно звучала громкая музыка и доносился стук мяча, которым коло-тили в стену.

В одном из соседних домов проживал немолодой кот, ко-торый целыми днями лежал на веранде и нежился на солнце. Когда я заступала на его территорию, он лишь с подозрени-ем разглядывал меня. Я пыталась дружески его приветство-вать, но он в ответ только хмыкал что-то невнятное. Дальше по улице жила пара молоденьких кошек, почти котят. Даже наблюдать за тем, как они носятся по деревьям или гоняют-ся за каждой птицей, оказавшейся поблизости, было утоми-тельно.

Гораздо больше меня интересовала миниатюрная черная кошечка с живыми зелеными глазами – я часто видела, как она прогуливается по дороге мимо дома Роба. Мне никак не удавалось понять, где же она живет. Казалось, что она появ-ляется и исчезает всегда в разных домах, но вид у нее при этом был такой довольный и держалась она так уверенно, что я поневоле завидовала ей. Иногда она замечала мой взгляд, но всегда была на чем-то сосредоточена, и я не решалась окликнуть ее и заговорить.

В ранние утренние часы, когда все в доме еще спали, я размышляла о своем теперешнем положении и о том, чего

я лишилась. Я корила себя за то, что недостаточно ценила счастливую жизнь с Марджери. Ах, знай я тогда то, что знаю сейчас, возможно, вела бы себя совсем по-другому.

Может быть, если бы я прилагала больше усилий, помогая Марджери, то несчастья, разлучившего нас, можно было бы избежать? Неужели всему виной была моя беспечность? Если бы я была хорошей кошкой, ничего этого не случилось бы. Не знаю, справедливо ли я себя обвиняла или нет, но, в конце концов, мне приходилось признать, что теперь у меня другая жизнь. Скорее даже не жизнь, а существование, связанное с ежедневным преодолением трудностей и невзгод. В этой жизни не было любви и нежности, потому что Роб был совершенно ко мне равнодушен, и это чувство было взаимным.

Мне не раз приходило в голову, что меня в этом доме ничто не держит, но куда мне было идти? Я никому не пожелала бы соседства с Робом и собаками, но здесь у меня хотя бы был кров и еда. Возможны ли другие варианты? Я еще не была готова рискнуть и выяснить это.

Шли дни, текли недели. Чез и Дейв продолжали при каждой возможности гоняться за мной, и постепенно я даже смирилась с их пронзительным тьявканьем, которое теперь сопровождало меня повсюду, как аккомпанемент. Роб же, казалось, наоборот, словно и вовсе забыл о моем существовании. Иногда он вспоминал обо мне и ставил на пол миску с

сухим кормом, мог прикрикнуть на собак, заметив, что они меня гоняют, а в остальное время не обращал на меня ровно никакого внимания.

Сказать, что я обжилась в новом доме, было бы большим преувеличением, но со временем я немного притерпелась к нему. Я перестала думать о Марджери каждую минуту, не тешила себя воспоминаниями о ее лавандовом аромате и больше не воображала, как она ласково гладит меня по шерстке. Наоборот, я изо всех сил старалась жить, не погружаясь ни в тоску по прошлому, ни в мечты о будущем. Каждый день приносил новые проблемы, а главным желанием было хоть раз как следует выспаться, не опасаясь собак. Может, жизнь так и продолжалась бы, и я до сих пор оставалась бы там, если бы не Стэн и собачьи галеты.

Стэн был, что называется, пустомелей. Гора мускулов, яростные глаза навывкате – конечно, он внушал трепет, – но за этой устрашающей внешностью скрывался очень скудный умишко. Скоро я и вовсе перестала его опасаться, так как была уверена, что всегда сумею легко его перехитрить.

Как-то днем я была на кухне и услышала, как открылась входная дверь – Роб и собаки вернулись с прогулки. Я поспешно вскочила на кухонный стол, зная по опыту, что хозяин всегда кормит собак после прогулки. К тому же я надеялась, что, увидев меня на столе, Роб не забудет дать еды и мне.

Мужчина разложил сочные мясные кусочки в три миски

и поставил их на пол. Кухню наполнило чавканье и сопенье – собаки жадно пожирали свой корм. Я, по своему обыкновению, презрительно глядела на этих невеж сверху. Стэн закончил первым и стал гонять миску носом по полу, пока не вылизал ее до блеска. Наконец, он обнюхал миску и, удостоверившись, что ни крошки съестного не осталось, потрусил прочь и плюхнулся на свое место в плетеную корзинку. Роб удалился в гостиную, откуда тотчас раздался рев телевизора. Он снова – и далеко не в первый раз – забыл накормить меня.

Чез и Дейв забыли обо всем на свете, уплетая свои порции. Я воспользовалась моментом, спрыгнула на пол, тихонько скользнула мимо их хвостов и выбежала в коридор. Дверь в гостиную была закрыта, из комнаты слышался шум включенного телевизора. Мне хотелось верить, что Роб все же сообразит, что оставил меня голодной, и исправит эту ошибку. Но, сколько я ни скреблась, как ни мяукала, телевизор заглушал меня. В животе у меня урчало, а мысль о несправедливости – я голодаю, а псы при этом едят до отвала – окончательно вывела меня из себя. Я решительно вернулась на кухню. Стэн, устроившись в корзине, вылизывал у себя под хвостом. Чез и Дейв хором чавкали, повернувшись ко мне спинами.

От голода у меня сосало под ложечкой. Я бесшумно подобралась к миске Стэна и, тщательно ее обнюхав, учуяла слабый мясной запах – кажется, под миской завалялся кусочек собачьей галеты. Попытки выудить его меня полностью по-

глотили. Я подтолкнула миску носом, но мне не удалось добиться своего. Тогда в ход пошла лапа – когтями я пыталась подцепить край миски и приподнять ее настолько, чтобы добраться до аппетитной цели.

Первые попытки оказались неудачными, посудина выскальзывала и никак не хотела переворачиваться, но я не собиралась отступить. Наконец, я подцепила когтем край и, приподняв миску, начала шарить под ней второй лапой. Кусочек был обманчиво близко, но все-таки вне моей досягаемости. Мучение! Я тянулась к нему, выпустив когти, и уж совсем было ухватила, как лапа вдруг соскользнула, и миска с грохотом ударилась о плитки пола.

Собачье чавканье внезапно прекратилось, и в кухне повисла зловещая тишина. Бросив взгляд через плечо, я увидела, что все три псины, замерев, уставились на меня с изумленно отвисшими челюстями. Стэн прекратил вылизывать зад, да так и застыл, задрал лапу и переводя взгляд с меня на кормушку и обратно. Я прямо-таки слышала, как скрипят его мозги: эта кошка пытается съесть *мою* еду. Из *моей* миски. *А я это вижу.*

Не успела я даже подумать о бегстве, как Стэн вскочил и бросился ко мне. Чез и Дейв зашлись лаем и скакали на месте, дрожа от возбуждения.

Дальше все было как в тумане. Я услышала, как по плиткам пола чиркают когти – то ли Стэна, то ли мои, не уверена, – и увидела перекошенную от злости морду пса, который

несся прямо на меня, оскалив зубы. Каким бы тугодумом он ни был, ручаюсь, что в этот момент он точно знал, чего хочет – разорвать меня на клочки. Чез и Дейв заливисто брехали, раззадоривая Стэна. О, они были в восторге от такого правосудия по-собачьи. Внутри у меня что-то перемкнуло. Не раздумывая, я раскинула лапы, выпустила когти и прыгнула навстречу Стэну, целясь в блестящий нос и слюнявую пасть.

Кажется, снова стало тихо: Дейв и Чез заткнулись, когда я пролетала над ними как косматая четырехлапая ракета. Я попала точно в цель, когти глубоко вонзились в морду Стэна. Острые, как бритвы, они вспороли собачью плоть – неожиданно мягкую, хотя и такую крепкую на вид. Задними лапами я что было сил ударила пса в подбородок. Плотно прижимая уши, я шипела и фыркала, как настоящая фурия. Кажется, в эти краткие мгновения передо мной промелькнули все издевательства и несчастья, обрушившиеся на меня в последние недели. Я вспомнила все: обиду на Дэвида, который увез Марджери и лишил меня дома, возмущение Робом, который зачем-то взял меня, но совсем не заботился, и злость на собак, превративших мою жизнь в сплошные мучения.

После недолгого ошеломленного молчания Чез и Дейв опомнились и снова принялись гавкать, а Стэн издал звук, которого я никогда еще не слышала от собаки: он пронзительно заскулил и заверещал. Этот жалобный визг на высокой ноте ничем не напоминал его обычный басовитый лай. Охватившая меня вспышка гнева и возбуждения постепен-

но сменялась испугом – я вдруг поняла, что запустила когти в физиономию Стэна так глубоко, что теперь не могу их вытащить. Я всем своим весом повисла на передних лапах, но это не помогло. Я попыталась упереться задними лапами Стэну в грудь, в надежде, что оттолкнусь и смогу отцепиться, но стоило мне только коснуться пса, как он стал в ужасе пятиться, боясь повторной атаки.

Прошла, как мне показалось, целая вечность, пока шум и гам не привлекли, наконец, внимание Роба и он не появился в дверях.

– Какого дьявола, что вы здесь устроили? – напустился он сначала на Чеза и Дейва, а затем ошеломленно уставился на нас со Стэном. Мы все еще не могли расцепиться, я лихорадочно пинаясь задними лапами, а Стэн мотал головой из стороны в сторону, тщетно пытаясь освободиться.

– Что за?.. – пробормотал Роб, не веря своим глазам. А потом заржал, да так громко, что Чез и Дейв снова затявкали. – Ну и кошка, вы только гляньте – настоящий чертов ниндзя!

Воскликая и хохоча, он вытащил из кармана мобильник и стал снимать сцену расправы.

Очевидно, унижение от того, что хозяин его осмеял, было настолько нестерпимым, что Стэн с такой силой замотал головой и, наконец, стряхнул меня. Я отцепилась, вырвав напоследок полоску кожи из его мясистой морды. Пес взвизгнул как щенок и со всех ног помчался прочь, а я взлетела на кухонный стол и оттуда прыгнула на спасительно высокий

холодильник.

Роб спрятал в карман телефон и, все еще похохатывая, вернулся в гостиную. За ним, подпрыгивая от возбуждения, устремились Чез и Дейв.

Сердце мое колотилось так бешено, что, пытаясь успокоиться, я начала умываться. С одной стороны, я чувствовала себя триумфатором, одержав сокрушительную победу над собаками. Но в то же время мне было очень стыдно за то, что я натворила. Подумать только, я превратилась в злобную фурию, ничем не лучше этого грубого пса, на которого напала. Я усердно намывалась, спеша смыть собачий запах со своих лапок. Что подумала бы Марджери, если бы увидела, как я веду себя теперь? Та Молли, которую она знала, вообще не выпускала когтей, ни разу никого не оцарапала, и тем более не лезла в драки с собаками вроде Стэна. Я доказала псам, что не дам себя в обиду, но какой ценой? Мое достоинство пострадало.

Зажмурившись, я думала о Марджери и вспоминала, какой я была, пока жила с ней. Избалованной – несомненно, неженкой – возможно. Но еще я была ласковой, любящей и заботливой. Лишившись Марджери, я, судя по всему, потеряла это частичку себя, и то, во что я превращалась теперь, мне категорически не нравилось. Тщательно вылизывая себя от носа до хвоста, я старалась смыть следы той кошки, которой стала. Закончив умывание, я немного успокоилась и свернулась клубком на холодильнике. Засыпая, я услыша-

ла сквозь дремоту голос Марджери: «Все будет хорошо, утро вечера мудренее». Мурлыча в ответ, я позволила себе погрузиться в темное безмолвие, решив, что наутро решу, как мне быть дальше.

Я открыла глаза, и сон как лапой сняло. В кухне было тихо, только тикали часы на стене да птичий хор за окном брал первые утренние ноты. Серый свет наполнял кухню. Выглянув в окно, я увидела, что в рассветном небе появляются первые розовые и золотистые искры. Вид собачьих мисок на полу оживил в памяти вчерашние события, и я вздрогнула. Спрыгнув на пол, я потянулась и заметила злополучный огрызок галеты, из-за которого разгорелся сыр-бор. Во время драки его отшвырнули в сторону, и он приземлился рядом с помойным ведром. Другого завтрака не предвиделось, так что я проглотила этот кусок, твердо решив, что это последнее, что я ем в доме Роба.

Закончив, я тихо вышла через кошачью дверцу и, подергивая хвостом, остановилась на веранде, чтобы все обдумать и взвесить. Хотя в этом доме меня ничто не держало, я не могла себя обманывать – вряд ли впереди меня ждало что-то лучшее. И все же я была полна решимости больше не идти на компромиссы. В следующем месте, которое я назову своим домом, я буду такой кошкой, какой хочу быть, – кошкой, которой гордилась бы Марджери.

Я пробежала вдоль стены, прошмыгнула под садовой калиткой и оказалась на тротуаре. Улицы были безлюдны, в окнах не горел свет, люди еще спали. Я не ела уже почти сутки, нужно было срочно подкрепиться. Хорошо, что предрасветный час – отличное время для охоты. Мне понадобилось совсем немного времени, чтобы изловить землеройку, которая копошилась в кустах.

Наконец рассвело, и квартал начал оживать. Утренний воздух был по-осеннему морозным. Солнце светило ярко, но уже не согревало, холодный ветерок играл опавшей листвой. Я смотрела, как люди выходят из домов, захлопывают за собой двери, садятся в машины. Конечно, еще не поздно было передумать, вернуться в дом Роба и зажить в нем как ни в чем не бывало. Но принятое решение было твердым, и менять свой план я не собиралась, хотя пока еще не совсем точно представляла, в чем именно этот план состоял.

Я долго бродила по незнакомым улицам безо всякой определенной цели, лишь бы не сидеть на месте. Наконец, я очутилась на маленькой детской площадке на самом краю того района, где жил Роб. Хотя прошло не больше часа, я начала чувствовать усталость, и мягкая травка на пустой игровой площадке казалась очень притягательной. Я пролезла под железными воротами и направилась к освещенному солнцем пятачку за качелями. Подойдя поближе, я обнаружила, что место уже занято другой кошкой, поглощенной умыванием.

– Привет, – окликнула я. – Ничего, если я посижу рядом?

Конечно, она не ожидала услышать чей-то голос и легонько подпрыгнула, но все же, к моей радости, посмотрела на меня дружелюбно.

– Меня зовут Молли, – представилась я и подошла поближе.

Приглядевшись повнимательнее, я узнала ту самую чер-

ную зеленоглазку, которая часто гуляла по нашей улице.

– Привет, Молли. Чувствуй себя как дома.

Я устроилась рядом и зажмурилась, наслаждаясь теплом солнечных лучей. Соседка продолжала умываться. Мы несколько минут посидели в тишине, но это молчание не напугало.

– А я тебя раньше видела. Недавно в наших краях? – спросила черная кошка.

Я открыла глаза.

– Да, провела здесь несколько недель. Меня сюда перевезли. Но думаю, что долго здесь не задержусь, – добавила я.

Чернушка посмотрела на меня, и я заметила в ее глазах веселые искорки.

– Дай-ка угадаю. Три собаки: один накачанный остолоп и два мелких психа. Правильно?

Я уставилась на кошку, раскрыв рот.

– Да, а как ты...?

– Я – Нэнси.

Вытаращив глаза, я пыталась вспомнить, откуда знаю это имя. Внезапно меня осенило: я будто перенеслась в машину Дэвида и услышала, как Роб рассказывает о предыдущей кошке, которая испугалась собак и убежала. Ее звали Нэнси, я была уверена.

– Ты живешь... раньше жила у Роба? – пробормотала я.

– Точно, – ответила она и брезгливо наморщила нос при этом воспоминании. – Мне было интересно, надолго ли тебя

хватит, – тоном заговорщицы прибавила она.

– Так ты знала, что я там? – удивилась я, огорошенная мыслью, что все это время за мной наблюдали.

– Приглядывала за тобой, а как же. Ты думаешь, мы с тобой случайно то и дело сталкивались на улице? Судя по всему, ты держала хвост пистолетом и не давала себя в обиду, вот я и решила, что лучше не вмешиваться.

Я не знала, как отнестись к такому признанию, и поэтому промолчала.

– А где ты теперь живешь? – поинтересовалась я немного погодя. – Роб сказал, что ты убежала и больше он тебя не видел.

Нэнси презрительно сузила глаза.

– Сомневаюсь, что он меня *искал*. Я ведь недалеко ушла, как видишь.

– Так кто же твой новый хозяин? – мое сердце забилось от волнения: вдруг у новых владельцев Нэнси найдется местечко для еще одной беглянки?

Нэнси нахмурилась и глубоко вздохнула.

– Видишь ли... как бы тебе объяснить... мне не совсем по душе сама идея иметь «хозяина». Ненадежно это – зависит от одного человека. Только представь, что произойдет, если, допустим, ты снова окажешься у такого, как Роб?

Я опустила голову, соглашаясь.

– Сейчас я устроилась немного... свободнее, можно сказать.

– Постой, так у тебя нет дома? Ты бездомная? – не могу сказать, что мне понравились слова Нэнси о «свободном устройстве».

Та в ужасе округлила глаза.

– Я не бродяжка! Конечно, нет. У меня несколько домов... Просто ни один из них не... основной.

Кинув на меня лукавый взгляд, Нэнси принялась вылизывать переднюю лапу.

– Вот оно что, понятно, – ответила я, обдумывая, может ли мне подойти подобное «устройство». – И сколько же у тебя домов?

Прервав умывание, кошка уставилась перед собой, подсчитывая в уме.

– На сегодня, вроде бы, шесть, – ответила она неуверенно, – или около того.

По-моему, Нэнси получала удовольствие, видя мое замешательство.

– Можешь сама выбирать, где поесть, где поспать, с кем провести время, – пояснила она. – Никаких обязательств, никакой ответственности. Хорошее дело, тебе стоит попробовать!

Я представила, что тоже живу так, ношусь с улицы на улицу, из дома в дом, решая, кого из хозяев удостою чести принимать меня вечером.

– Хм, не знаю. Вроде бы неплохо, но мне почему-то кажется, что я из тех кошек, кому нужен один хозяин, честно.

– Что ж, это нормально, – добродушно улыбнулась Нэнси. – Каждому свое.

Она снова принялась вылизывать лапы, а я задумалась.

– Скажи, что стало последней каплей? У Роба? Что заставило тебя уйти? – спросила Нэнси.

Хорошо, что когда мы, кошки, краснеем, то под шерстью этого не видно: я вспыхнула от стыда при одном воспоминании о том, как качалась на отвисших щеках Стэна.

– Ну, в общем... я хотела взять кусочек из собачьей миски... – робко начала я.

– Из чьей миски? – перебила Нэнси.

– У Стэна.

Нэнси моргнула и втянула воздух сквозь зубы.

– Он, конечно, бросился на меня, и я... ну... потеряла контроль.

Нэнси слушала очень внимательно, пребывая в полном восторге от того, что ее старому недругу досталось по заслугам. Она кивнула, показывая, что ждет продолжения.

– И тогда я... – тут я показала, как прыгнула на Стэна: передние лапы вытянуты вперед, когти выпущены.

Глаза у Нэнси округлились.

– А потом я вроде как... взлетела. И приземлилась. Ему на нос.

Нэнси пискнула от удовольствия.

– Но потом оказалось, что я... не могу отцепиться. Когти застряли у него в морде, – и я изобразила, как повисла на

передних лапах.

Наблюдая за реакцией Нэнси, я впервые увидела всю ситуацию со стороны и оценила весь ее комизм – теперь рассказ стал доставлять мне удовольствие.

– Он пытается меня стряхнуть, но не может, а я в это время задними лапами лягаю его в грудь, – и я запрыгала по земле, показывая, как это происходило. – Наконец, Стэн все-таки меня стряхнул, но лишился основательного куска физиономии.

– Это. Просто. Изумительно! – с расстановкой сказала Нэнси. – *Хотела бы* я там быть и все это видеть!

– Честно говоря, тогда мне это не казалось таким уж удивительным, но Роб решил, что это прикольно.

Мы сидели рядом, умывались потихоньку и делились воспоминаниями о жизни с Робом и его собаками.

– Что ты мне посоветуешь, куда нужно пойти, чтобы найти нового хозяина? – спросила я наконец. – Я не хочу оставаться здесь, рядом с ними.

Мне была невыносима мысль о том, что Роб может меня найти и вернуть в свой дом или – того хуже – позвонить Дэвиду, чтобы тот меня увез.

Нэнси подняла голову и задумчиво огляделась.

– Я считаю, что тебе лучше податься в город. Кажется, он в той стороне, в нескольких милях отсюда. – Кошка кивнула с сторону большой улицы, проходившей рядом с детской площадкой. – Уверена, там полным-полно потенциальных хозя-

ев. Только думаю, что тебе не стоит пускаться в путь прямо сейчас, лучше побыть тут со мной недолго. Я тебя научу кое-чему, дам пару-тройку советов. Сдается мне, ты не очень-то привычна к самостоятельной жизни.

Нэнси была права, и я с благодарностью приняла ее предложение.

Следующие несколько дней я провела рядом с Нэнси, которая преподавала мне науку выживания – показывала, как пробираться в дома через кошачьи дверцы и таскать еду у других кошек, как выискивать съестное в помойных контейнерах. Я училась находить ночлег, перебегать через дорогу, чтобы не попасть под колеса. Я впитывала все, что рассказывала мне моя учительница, втайне надеясь, что мне никогда не придется применить эти знания на практике.

Еще Нэнси обучала меня тому, что она называла «кошачьей стратегией управления людьми». Раньше мне и в голову не приходило, что в моем общении с людьми вообще есть какая-то стратегия. Для меня все было просто: любить своего хозяина и надеяться, что он тоже любит тебя.

– Людям кажется, будто они знают, чего хотят, – растолковывала мне Нэнси, – но они не всегда знают, что *им необходимо*. И тут появляешься ты и показываешь им это.

Я не была уверена, что до конца понимала, что она имеет в виду, но на всякий случай усердно кивала.

В конце концов Нэнси, кажется, удостоверилась, что я го-

това к самостоятельной жизни. Ранним утром мы с ней отправились на уже знакомую детскую площадку.

– Город – там, – сказала Нэнси, глядя на север. – Держись поближе к кустам. Там полно живности, так что будешь сыта. И, конечно, фермы по пути, там тоже могут подкормить. А улицы переходи только в крайнем случае, – добавила она с искренней заботой.

Я кивнула.

– Знай, если что-то не заладится, ты всегда можешь вернуться. Я буду здесь. Уверена, мы сумеем подыскать тебе дом... или шесть.

Ее предложение меня тронуло, и впервые внутри шевельнулась тревога – что-то ждет меня впереди? Что же я делаю? – спрашивала я себя. Пусть я не нашла хозяина, зато нашла друга. Не глупо ли расставаться с Нэнси и отправляться неизвестно куда, в какой-то незнакомый город?

Нэнси словно прочла мои мысли.

– Все у тебя будет хорошо, – сказала она. – Я уверена. В конце концов, ты кое-чему научилась.

Подруга подмигнула и потянулась ко мне. Мы быстро потерлись носами – этот жест означал для нас прощание.

– Ну, иди уже, пора! – сказала она нетерпеливо.

– Спасибо, – тихо откликнулась я. Чувствуя, что глаза предательски пощипывает, я отвернулась и пролезла под калиткой. Оказавшись на проезжей части, я обернулась к Нэнси, не спускавшей с меня глаз. Подруга приветственно пома-

хала мне хвостом. В ответ я тоже подняла хвост трубой. И, увернувшись от грузовика, зашагала в свою новую самостоятельную жизнь.

Помня наставления Нэнси, я старалась держаться растущих вдоль дорог зеленых изгородей и остерегалась ревущих на мостовой машин. Скоро район Роба скрылся вдали, и я оказалась за городом.

Жизнь вскоре вошла в определенный ритм. На заре и по-

сле захода солнца я охотилась, днем шла вперед, к ночи находила убежище в кустах или на каменных стенах, разгоравшихся поля. От долгой ходьбы подушечки у меня на лапах стерлись и болели, лапы ныли, я постоянно чувствовала усталость. Прежде умывание не было для меня такой уж насущной потребностью, скорее, способом привести мысли в порядок. Теперь я пришла в ужас, заметив, что ежедневный тщательный уход за шубкой от носа до хвоста жизненно необходим мне для того, чтобы очистить шерсть от грязи и репьев, которые набивались в нее за день. Впрочем, как ни странно, сон у меня теперь стал куда лучше, чем в доме у Роба, – и ничего, что приходилось укладываться спать под открытым небом. За день я так выматывалась, что стоило мне лишь закрыть глаза, как я мгновенно проваливалась глубоко в сон и крепко спала до самого утра, пока меня не будили звонкие птичьи голоса.

Жить на улице было тяжело и некомфортно, но в те первые деньки все во мне пело от пьянящего ощущения свободы. Со временем я окрепла физически и отточила свои охотничьи навыки, превратившись из дилетанта в ловкого и безжалостного мастера.

С миром дикой природы я теперь была знакома гораздо ближе, чем это необходимо домашней кошке. Раньше, когда я наблюдала птиц со своего подоконника, мне было невдомек, где они выют свои гнезда и чем питаются. Теперь я знала, какие кусты магнитом притягивают пернатых, обожаю-

щих попить ягоды в их зарослях. Это значило, что и мне был гарантирован обед, стоило лишь затаиться и немного подождать. По переполоху среди мелких птиц я догадывалась, что невдалеке появилась хищная птица – добрый знак, указывающий на присутствие грызунов.

К местам обитания человека я не проявляла никакого интереса. Исключение составляли фермы. Завидев их, я отклонялась от маршрута и устремлялась к постройкам: провести ночь в сарае на сене было настоящей роскошью по сравнению с тем, к чему мне пришлось привыкнуть. Заметив издали людей, я опускала голову пониже и старалась скорее спрятаться у стены или за какой-нибудь машиной. И на меня не обращали внимания, принимая за кошку с фермы, а мне только того и надо было.

Я быстро потеряла счет дням и уже не знала, сколько времени прошло с моего побега, а о том, что оно не стоит на месте, я догадывалась по смене света и температуры. Сначала я почти не мерзла ночами, и днем солнце приятно грело спину. Но вскоре я стала замечать, что солнце поднимается уже не так высоко, а его бледные лучи больше не согревают. Теперь холодный ветер ерошил мне шерсть, а мороз по ночам пробирал так, что я дрожала всем телом. Я поняла, что наступает зима, и только тут впервые испугалась по-настоящему. Я не представляла, далеко ли до города, но знала, что нужно добраться туда раньше, чем зима со снегом и морозами вступит в свои права.

Однажды сырым пасмурным днем я уныло плелась по грязной дороге. Я дала себе слово не вспоминать о Марджерри, пока не доберусь до города, но сейчас, пребывая в настроении крайне удрученном, не могла избавиться от мыслей о том, как хорошо бывало зимой у нее в доме. На полу перед газовым камином лежал пушистый ковер. Я часами, развалившись, дремала на нем – животик кверху, лапы вытянуты. Шевелилась я только тогда, когда становилось слишком жарко или хотелось повернуться к огню другим боком. Невольно я задавала себе один и тот же вопрос: сумею ли когда-нибудь найти другой такой же уютный дом?

Вдалеке сквозь морось и туман показалось что-то похожее на ферму: несколько невысоких построек окружали квадратный двор. Я с радостью повернула к ним – позади был долгий день и мне страшно хотелось поскорее вымыться и подремать под крышей сарая. Несмотря на усталость, я ускорила шаг. Добравшись до поросшей травой обочины, я заметила деревянную вывеску, витиеватая надпись на которой гласила: «Костуолд. Натуральные продукты». Подойдя к воротам с каменными столбами, я увидела во дворе заасфальтированную площадку, на которой стояли не тракторы и не фуры, а ряды больших машин с тонированными стеклами, и ни на одной не было ни единого пятнышка грязи. Я недоуменно пошевелила усами.

Вместо ставшего привычным кислого запаха навоза и гниющего сена я учуяла нежнейшие ароматы свежей рыбы и

колбас. После длительной мышино-птичьей диеты мой рот наполнился слюной от одной мысли о вкусной готовой еде, а живот подвело от голода. Я юркнула в ворота, пересекла автостоянку и выскочила к приземистым домикам, которые окружали вымощенный каменными плитами двор.

На краю стоянки я помедлила. Место, куда я попала, было вовсе не похоже на другие фермы. Уж слишком чисто здесь было, а посреди двора имелся даже каменный фонтан, в котором нежно журчала вода. На деревянном столбике справа от меня размещались указатели: «Спа-салон», «Школа кулинарного искусства» и «Фермерская лавка». Стрелка, обещающая фермерскую лавку, указывала влево, так что я осторожно подкралась к ней и заглянула в стеклянные двери. Неожиданно они распахнулись, и женщина, которая вышла оттуда, размахивая на ходу джутовой сумкой, чуть не сбила меня с ног.

Не дожидаясь, пока двери захлопнутся, я бросилась внутрь и шмыгнула в первое же укромное место – под прилавок, сделанный из деревянных козел и ломившийся от овощей и фруктов. После холода и сырости было приятно оказаться здесь. Обогреватели над дверью подсушивали влажную шерсть. Со своего места я видела ноги покупателей, медленно переходивших от прилавка к прилавку. Продавцы в передниках шептали им что-то вежливое, заворачивая покупки в тонкую бумагу и укладывая свертки в большие бумажные пакеты.

Интересно, ходила ли моя Марджери за покупками в такие лавочки, как эта? Ведь еще до того, как начать все путать, она любила готовить нам мясо и рыбу. Тут меня осенила мысль, что среди клиентов вполне может оказаться добрая душа вроде Марджери – кто-то, кто будет не против захватить домой вместе с продуктами дружелюбную, хотя и промокшую кошку.

Чуть подавшись вперед, я выглянула из-под стола. Среди покупателей были только женщины, но все они совершенно не походили на Марджери. Они были намного моложе и выглядели почти одинаково: джинсы в обтяжку, кожаные сапоги, стеганые жилетки и длинные, блестящие волосы. Я долго наблюдала за тем, как они бродят между прилавков, берут с полок товары, рассматривают их, прежде чем опустить в свою корзинку или вернуть на место. Я попыталась представить дома, в которых живут эти дамы, и себя в их жилище, но весь мой опыт ограничивался домами Марджери и Роба, а в их скромные интерьеры такие женщины почему-то совершенно не вписывались.

Не покидая своего убежища, я стала прикидывать, как поступить. То ли пробраться на задний двор и пожить объедками в контейнерах, то ли решиться и попытать счастья.

Покупательница, подошедшая к прилавку с фруктами и овощами, рассеянно помахивала корзиной дюймах в шести от моего носа. Пока она рассматривала что-то у меня над головой, я на цыпочках подкралась поближе и втянула носом

воздух. Из корзины доносились ароматы сыра, креветок и рыбы, от которых у меня потекли слюнки. Дама побросала туда какие-то овощи и пошла к кассе.

Оплатив покупки, она направилась к выходу из магазина. Я пулей выскочила из-под стола и успела протиснуться в автоматические двери. Я бежала в нескольких шагах от нее по двору, задыхаясь от волнения и радости, задаваясь вопросом, неужели это тот шанс, которого я столько ждала: миг обретения новой хозяйки?

Дама покопалась в сумке, достала ключи и повернулась к большой, дорогой на вид машине, и та просигналила в ответ. Я уже готова была приблизиться и начать очаровывать женщину, но та открыла багажник, и оттуда выскочила собака. Мой хвост мгновенно распушился как ламповый ершик, и я злобно зашипела, вспомнив Стэна, Чеза и Дейва. Псину удерживал на месте поводок, и все же она так яростно рвалась вперед, что даже глаза вылезали из орбит. Женщина оглянулась и только тогда заметила меня.

– Фу, как сюда попала бродячая кошка? – она брезгливо скривила рот.

Все происходило вразрез с моим планом. В эту минуту я должна была жалобно мяукнуть и потереться о ее сапоги. Вместо этого я прижала уши к голове, выгнула спину дугой, чувствуя, как каждая шерстинка встала дыбом. До меня стало доходить, что эта сцена вряд ли завершится хэппи-эндом.

– Прекрати, Инка. В машину! – скомандовала женщина

собаке. Та послушно, хоть и неохотно, выполнила команду.

Дама бросила на меня злобный взгляд и замахнулась зонтом, словно я была какой-нибудь крысой. Поняв, что надежды разбиты, я напоследок еще раз зашипела и пустилась наутек.

Вернувшись на грязное и мокрое шоссе, я дала волю чувствам. Злость сменилась отчаянием. С тех пор как я приняла решение добраться до города, мне некогда было страдать от одиночества, но вид покупательниц разбередил тоску по собственному дому и хозяину. По человеку, который не просто будет кормить и защищать меня, а тому, чье лицо будет вспыхивать от радости, когда я буду входить в комнату, кто с удовольствием приласкает меня, если я прыгну на колени. Существование одинокой кошки-бродяжки так отличалось от моей прежней жизни, что я уже почти забыла, каково это – быть чьим-то питомцем и чувствовать себя любимой. Приключение в фермерском магазине напомнило мне о том, что люди и их дома с уютными кухнями и жаркими каминами по-прежнему существуют, но теперь они намного дальше, чем кажутся.

Так я брела по обочине, не позволяя жалости к самой себе поглотить меня целиком. Дождь прекратился, и бледное солнце уже собралось закатиться за горизонт. Но от пронзительного зимнего холода не было спасения. Грязная жижа, по которой ступали мои лапы, начала твердеть: ночь обещала быть морозной.

За поворотом я увидела, что дорога взбегает на высокий холм. Я могла различить на самой его вершине оранжевый свет уличных фонарей и неясные очертания домов и крыш. Меня охватило возбуждение: должно быть, это тот город, о котором рассказывала Нэнси!

Пока я медленно поднималась в гору, ветер, казалось, пытался пронзить меня насквозь. Мимо проносились машины, мокрый асфальт блестел в свете их фар. Люди спешили домой. Увидев дорожный указатель «Добро пожаловать в Стортон-на-Холме, исторический рыночный город¹», я испытала облегчение, к которому примешивалось беспокойство. Я совсем ничего не знала про этот город, но столько времени думала о нем как о месте, где смогу найти дом и хозяина, что теперь, когда я, наконец, добралась до него, мне стало страшно при мысли о том, что я поставила перед собой непосильную задачу.

Смеркалось, снова заморосил мелкий дождик. Обычно это было для меня знаком, что пора устроиться на ночлег: найти нишу в каменной стене или дупло на дереве, свернуться клубком и отдыхать. Лапки у меня онемели от холода, шерсть промокла насквозь, я чувствовала, что промерзла до самого нутра. Но я не останавливалась: мне хотелось во что бы то ни стало оказаться в городе прежде, чем опустится ночь.

¹ Город, в котором несколько раз в неделю проводятся ярмарки.

Оказавшись на окраине, я вприпрыжку побежала по мостовой, внезапно оробев и чувствуя себя уязвимой среди машин и ярко освещенных магазинов. У дверей ресторанчика, где продавали еду навынос, я задержалась: пряный запах мясных блюд напомнил о том, что я жутко голодна. Я приблизилась, чтобы заглянуть в витрину, и тут же отпрыгнула, увидев внутри одичавшую кошку, глядевшую на меня с ужасом в глазах. Пораженная, я отошла от стекла, сердце бешено колотилось в груди. Успокоившись немного, я снова подкралась к витрине, чтобы рассмотреть кошку получше. На этот раз я все поняла почти сразу: всклокоченная дикарка на самом деле была моим отражением.

Не веря своим глазам, я рассматривала себя в витрине. Из нежного и округлого мое тело стало поджарым и мускулистым. На спине сквозь шерсть заметно проступали позвонки, мех потускнел и сваялся. Но больше всего меня поразила собственная мордочка – подбородок заострился, а глаза ввалились. Глядя на себя в ужасе, я думала, что выгляжу, как настоящая бродяжка. А при мысли, что я не только выгляжу, но и действительно являюсь бродячей кошкой, я совсем упала духом.

В этот момент из ресторана вышел человек с бумажным пакетом, полным пластиковых контейнеров. Зажмурившись, я вдыхала аппетитные ароматы баранины и цыпленка. Человек натянул на голову плащ, помедлил и бросился под дождь. Когда он пробежал мимо, его нога провалилась в лужу, и ме-

ня обдало фонтаном грязных брызг. Я отряхнулась, как могла, думая о том, что мне просто необходимо как следует заняться своим туалетом. Но (это я прекрасно понимала), чтобы позволить себе такую роскошь, нужно было сначала найти ночлег.

Издали донесся колокольный звон. Церковные колокола напомнили мне о каминных часах в доме Марджери: шесть ударов означали время ужина. Моя хозяйка никогда не опаздывала и вовремя ставила передо мной фарфоровое блюдо, приговаривая: «Приятного аппетита, дорогая». Я ела с удовольствием, зная, что после ужина мы с хозяйкой усядемся в обнимку на диване. Марджери будет смотреть телевизор, гладить меня по спинке и болтать со мной, а я стану мурлыкать в ответ. Таков был наш привычный, устоявшийся порядок, основанный на безусловной способности без слов понимать, что нужно ближнему.

Может ли так случиться, что мне удастся наладить столь же близкие отношения с другим человеком? И если это так, если этот человек живет где-то в этом городке, что мне надо сделать, чтобы найти его?

Небо зловеще нахмурилось и потемнело, по моей спине забарабанили тяжелые дождевые капли, но я понимала, что надо идти дальше. Задачей номер один сейчас было раздобыть еду, а потом найти приют на ночь. Упрямо опустив голову, я пошла на звук церковных колоколов, в надежде, что он выведет меня к центру города. Внезапно из какого-то магазина на тротуар прямо передо мной выскочил человек и

рывком раскрыл зонт, окатив меня дождевой водой. Вздрогнув, я поскорее шмыгнула в приоткрытые двери и как следует отряхнулась.

Я вышла было на улицу, но, увидев, как люди несутся, прячась под зонтами и капюшонами, попятилась обратно, решив дать себе небольшую передышку. Потоки воды на тротуаре закручивались в воронки, на лужах набухали пузыри – непогода разошлась не на шутку. Ливень колотил по крышам и струями стекал на тротуар с магазинных тентов. Вода шумела и бушевала, ее беспощадный грохот не шел ни в какое сравнение с нежными звуками дождя в поле, когда капли мягко шлепаются с травы или куста. Конечно, я вымокла до последней шерстинки, лапы сводило от холода, но выбора не было, нужно было двигаться дальше.

Стараясь не угодить в глубокую лужу, я что было сил припустила по улице. Я неслась, не поднимая головы, пока не добежала до поворота. Здесь я остановилась, подергивая ушами, ощущая, что звуки города изменились. Грохот ливня, заглушающий все звуки на узкой улочке, здесь отступал, и мне показалось, что только теперь передо мной открылся город. Со всех сторон доносились голоса людей, рокот автомобильных моторов, лязг металла. Мне потребовалось как можно скорее укрыться в безопасном месте, чтобы в спокойной обстановке сориентироваться на местности, и я не нашла ничего лучше, как метнуться под припаркованную машину. Окавшись между колесами, я первым делом как следует отрях-

нулась, отчего моя мокрая шерсть встопорщилась иглами. Меня знобило, страшно хотелось помыться и лечь спать, но я помнила, что такие места слишком опасны. И, когда я уже чуть не упала от усталости, перед глазами возникла Нэнси, строго наставлявшая меня: «Никогда. И ни за что. Не спи. Под машинами. Поняла?»

Ночь опускалась на город стремительно, на раздумья и колебания не было времени. Я выбралась из-под брюха машины. Передо мной расстилалась нарядная рыночная площадь, окруженная домами из желтого, как мед, камня. Силуэты крыш четко вырисовывались на фоне серого неба. Продавцы на площади убрали все с прилавков, сворачивали навесы, складывали в фургоны нераспроданный товар. Магазины тоже закрывались, но по улицам еще сновали озабоченные, нагруженные тяжелыми сумками покупатели.

Я провела вдали от человеческого жилья столько времени, что невольно замерла, любуясь открывшейся мне картиной. Но особенно поразил меня не шум площади и не суета рыночных торговцев – дух у меня захватило от огней. Куда бы я ни кинула взгляд, повсюду змеились гирлянды лампочек, в витринах весело мигали разноцветные огоньки, а над дверями мерцали звезды. В дальнем конце площади, вся в ярком сиянии, возвышалась громадная ель. Ошибки быть не могло: все приметы говорили о том, что Рождество не за горами.

Я оторопела от такого открытия и, придя в себя, невольно стала вспоминать о жизни у Марджери. В то время Рожде-

ство было моим любимым праздником. Первым признаком его приближения было появление маленькой искусственной елочки, которую Марджери ставила на подоконник в гостиной. Я садилась рядом с ее негустыми обнаженными лапами и терпеливо дожидалась, пока хозяйка доставала из-под лестницы коробку с елочными украшениями. Как только Марджери ставила ее на пол, я тут же соскакивала и начинала ворошить лапой шары и игрушки, пытаюсь подцепить их когтями, наслаждаясь мелодичными звуками, которые они при этом издавали.

Марджери по одной доставала игрушки и бережно развешивала их на ветках. Я же, нападавая из засады, норвила сбить их лапой. «Кыш, Молли!» – покрикивала Марджери, но при этом улыбалась и никогда не поднимала на меня руку. Развесив украшения, она вытягивала из коробки длинную нить блестящей мишуры. Я бросалась на нее и делала вид, что яростно сражаюсь с шуршащими листиками, а Марджери со смехом забирала у меня мишуру. Обвив елочку гирляндой лампочек и увенчав верхушку звездой, она отступала на шаг, чтобы полюбоваться своей работой.

– Ну, Молли, что скажешь? – спрашивала она, и я одобритительно мурлыкала.

Вернувшись из грез в сегодняшний день, я выбралась из-под машины и, чувствуя себя жалкой и беззащитной, пошла по периметру площади. Рыночные торговцы не обращали на меня никакого внимания, даже когда я приближалась к

их фургонам. Я рассматривала магазины: в витринах у одних были старинные вещицы, у других посуда, обувь или непромокаемые куртки. На тротуаре стояла исписанная мелом доска – верный признак того, что впереди паб. Двери были открыты, призывая прохожих зайти, укрыться от холода и сырости. Я неслышно ступила на деревянное крыльцо, заглянула в уютный бар с деревянными балками на потолке и пылающим камином. Перед камином сидели люди, протянув ноги к огню. Искушение войти и присоединиться к ним было так велико, что я почти забыла об осторожности. Однако в воздухе висел запах мокрой псины, а надпись слева от дверей «Вход с собаками разрешен» не оставляла сомнений, что в этом заведении собак любят больше, чем кошек.

Продолжая свое путешествие по площади, я миновала книжную лавку и магазин интерьеров, где в витрине стоял шезлонг, драпированный образцами тканей. Желудок урчал от голода, требуя как можно скорее добыть хоть что-нибудь съестное. Я подбежала к булочной-пекарне, предлагавшей «натуральный хлеб отличного качества», но полки были пусты, а свет внутри выключен. К тому времени, как я добралась до «Старой доброй лавки сладостей» на углу площади, сил у меня уже не оставалось. В витрине рядами стояли стеклянные банки, полные каких-то сладостей, но разве могли они привлечь кошку, которой требовалась совсем другая пища?

Я заметила, что торговцы уже разъехались, да и прохожих

на темных улицах оставалось все меньше. Мне по-настоящему стало страшно – ведь я не представляла, где здесь можно найти еду. Завидев издали ворота и за ними солидный кирпичный дом, стоящий среди ухоженного сада, я собрала все силы и устремилась туда через площадь. За мной спешила хорошо одетая пара, обогнав меня, они миновали ворота и направились к освещенному крыльцу. Держась от них на почтительном расстоянии, я пошла следом. Вот они толкнули тяжелую деревянную дверь, и в воздухе разлились восхитительные ароматы пищи. Я прыгнула на высокий газон и устроилась под ветками тисового дерева – оттуда хорошо было видно, что происходит в ресторане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.